

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Т. Е. Владимирова

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Российский университет дружбы народов

Поступила в редакцию 23 марта 2012 г.

Аннотация: *статья посвящена рассмотрению межкультурной коммуникации в глобализирующемся мире через призму лингвистики. Предпринята попытка анализа ценностных представлений (на материале концепта «счастье») и речевого поведения национальной языковой личности как субъекта общения. Делается вывод о важности формирования билингвальной языковой личности при обучении иностранному языку.*

Ключевые слова: *межкультурная коммуникация, ценностные представления, концепт, межкультурная компетенция.*

Abstract: *the article deals with the linguistic aspect of the consideration to the dialogue of Cultures in the age of globalization. The attempt to study the values (in regard to the concept «happiness») and verbal behavior of the national linguistic personality is created as a subject of communication. A conclusion can be made about the importance to forming the secondary language personality in the teaching of Foreign languages.*

Key words: *cross-cultural communication, values, concept, inter-cultural competence.*

Стремительно развернувшийся процесс глобализации ставит перед филологией, которая издавна выполняет функцию «службы понимания» (С. С. Аверинцев), сложную задачу: разработать концепцию межкультурного взаимодействия, признающую право собеседника на самовыражение в соответствии с унаследованными ценностными представлениями родной культуры. К сожалению, признание этого права не снимает многих вопросов. В результате поиском этических оснований диалога (полилога) культур сегодня занимаются специалисты едва ли не всех областей гуманитарного знания. Особое внимание уделяется анализу опыта всеобщей согласованности социального поведения в компьютерной сети, который, по мнению А. В. Разина, показывает, «как в современных условиях возможна глобальная этика человеческого сообщества и как нравственный выбор может быть действенным и ответственным» [1, с. 453]. И всё же то, что доступно науке о языке, представляется особенно важным: рассмотрение межкультурных контактов через призму филологической рефлексии позволяет понять внутренние механизмы речевого поведения собеседника-инофона и предвидеть его возможную реакцию на свое собственное.

Предлагая дополнить призыв философов рассматривать диалог культур в «горизонте личности» и в

«горизонте культуры» [2] горизонтом языка (точнее, языка / речи / дискурса), мы исходим из того, что язык является не только своеобразным камертоном бытия его носителей, но и его сущностной основой. В связи с этим напомним положение о неизбежной филологизации гуманитарных наук, сформулированное М. М. Бахтиным: «Гуманитарные науки – науки о человеке и его специфике, а не о *безгласной* вещи и естественном явлении. Человек в его человеческой специфике всегда выражает себя (говорит), т.е. создает текст (хотя бы и потенциальный). Там, где человек изучается вне текста и независимо от него, то это уже не гуманитарные науки» [3, с. 311]. Примечательно, что в своих металингвистических исследованиях М. М. Бахтин рассматривал речевое взаимодействие не только как текст (высказывание), но и как языковое воплощение поступка, традиционно входившего в сферу философии, этики и психологии.

В настоящее время никого не удивляют работы, значительно расширившие исследовательские горизонты филологии. Всё чаще предметом анализа становятся сложные феномены, «открытые» на границе лингвистики, философии, этики, психологии, культурологии, литературоведения, исторической этнологии и принадлежащие одновременно языку, культуре и сформировавшейся в их пределах личности. Это языковое сознание и самосознание, языковая картина мира, национальная концептосфера, языковая

личность, которая выступает одновременно восприимчиком и творцом языка, речи и дискурса, выполняющего роль своеобразного хранителя бытия. Действительно, наследуя по праву рождения язык, человек становится восприимчиком укорененных в нем представлений о бытии и хранителем исторической памяти, на фундаменте которой выстраивается «жизненный мир» носителей языка. Следовательно, накопленный «языковой материал» (Л. В. Щерба), или, как говорят – дискурс, может рассматриваться как своеобразная «лента жизни» наших предшественников и современников.

Более того, язык как «среда и пространство нашего исторического бытия» (В. В. Библихин) раскрывает экзистенциальный опыт этноса и тот уникальный ценностно-смысловой код, который обеспечил его развитие и жизнестойкость. Поэтому по мере взросления и социализации в сознании человека (вслед за речеповеденческой и языковой) рождается экзистенциально-аксиологическая картина мира («экзистенциальная пространственность» – М. Хайдеггер) и формируется ценностно-смысловой код личностного языкового бытия. Следовательно, не только пространственно-временные, но и духовные связи сосредоточиваются в руках лингвистов, и наука о языке, как и наука о литературе, «превращается в своеобразный способ современного философского мышления» [4, с. 108]. В этом отношении большой исследовательский интерес представляет изучение концептуальных основ языкового бытия, которые обнаруживают себя в лексико-грамматическом строе высказывания и в философски значимых концептах, присутствующих в обыденном речевом поведении говорящего.

В рамках настоящей статьи предлагается рассмотреть **концепт «счастье»**, поскольку в нем находят выражение так называемые общечеловеческие ценностные представления и ориентиры поведения, которые, однако, имеют национально-специфические особенности у носителей различных языков и культур. Так, всеобщей распространенностью обладают, по всей вероятности, такие значения данного слова, как «1. Чувство и состояние полного, высшего удовлетворения. <...> 2. Успех, удача» [5, с. 680]. Вместе с тем русское языковое сознание в силу «этимологической памяти слова» (Ю. Д. Апресян) сохраняет понимание счастья как не мыслимого в одиночку. Поэтому оно устойчиво ассоциируется с некой частью совместно переживаемого, общего счастья: *Чтобы всем хорошо было!* (Ф. М. Достоевский). Данное восприятие зафиксировано и в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля: «**счастье** (со-частье, доля, пай) ср.: рок, судьба, часть и участь, доля» [6, с. 371]. Представлено оно и в «Словаре современного русского литературного языка» с пометой *Простореч.*: «Участь, доля. Всякому свое

счастье» [7, с. 1314]. О неисчерпанности ценностно-смыслового потенциала данного значения свидетельствует, в частности, следующий фрагмент из романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» (ч. 6, гл. 4), передающий атмосферу Гражданской войны: *За окном лежала немая, темная и голодная Москва. Лавки были пусты, а о таких вещах, как дичь и водка, и думать позабыли. И вот оказалось, что только жизнь, похожая на жизни окружающих и среди них бесследно тянущаяся, есть жизнь настоящая, что счастье обособленное не есть счастье, так что утка и спирт, которые кажутся единственными в городе, даже совсем не спирт и не утка. Это огорчало больше всего.*

Согласно этимологическим исследованиям, в основе понятия «счастье» лежит архетипический концепт «судьба», т.е. «хорошая часть / участь» [8, с. 816]. Так, по представлениям славян-язычников, при рождении человек вместе с именем получает его жизненную участь, долю или судьбу (ср.: в некоторых русских диалектах – *нарок* ‘имя, название’ и ‘назначенный срок’). Примечательно, что Фортуна, римская богиня счастья, случая и удачи, так же воспринималась, как тождественная греческой Тихе (Τύχη – ‘случайность’, т.е. то, что выпало по жребию). Персонифицированный образ судьбы характерен и для славянских поверий о девице, которая приносит счастье бездольному молодцу. В средневековых и ренессансных текстах и иконографии встречается также «колесо Фортуны» (ср.: древнерусское «счастное колесо»), передающее идею непредвиденного стечения обстоятельств и – шире – стихийного хода событий: *Не в воле счастье, а в доле; Где нет доли, тут и счастье невелико; Всякую долю Бог посылает; Воля, неволя – такая наша доля; Вольна моя волюшка, горька долюшка; Боле воли – хуже доля; Своя воля, своя и доля; Ваша воля, а и нам есть доля.* В этом контексте обращает на себя внимание и повесть «О Горе-Злостии» (XVII век), рассказывающая о судьбе молодого человека, который однажды поддался искушению и оказался во власти тяжелой участи.

Но вернемся к концепту «счастье». В свою очередь, этимологически *часть* (ср.: участь, доля, судьба, удел) восходит к корню *кус-* (откусить от пирога жизненных благ) [9]. Что же касается приставки *с-* (*со-*), то в общеславянском языке она имела исходное значение ‘вместе с’ и значение ‘хороший’ (например, в слове *сдоба*). В связи с этим выскажем следующее предположение: дошедшая до нас традиция встречать гостей хлебом-солью, предполагающая вкушение некой части пирога, уходит корнями в славянское понимание счастья как ‘хорошей доли’ общего, взаимно переживаемого счастья: *Кто дружбу водит, счастье находит; У счастливого умирает недруг, у несчастного друг; К людям ближе –*

счастье крепче. Не потому ли и переживание счастья в русском языковом сознании по-прежнему неразрывно связано с другим и/или другими? Действительно, в восприятии другого для человека открываются такие стороны его личностного бытия, которые недоступны для его собственного осмысления. Поэтому в диалоге каждый собеседник как бы восполняет кругозор другого: «Я должен вчувствоваться в этого другого человека, ценностно увидеть изнутри его мир так, как он его видит, стать на его место и затем снова вернуться на свое, восполнить его кругозор тем избытком видения, который открывается с этого моего места вне его, обраться к нему, создать ему завершающее окружение из этого избытка моего видения, моего знания, моего желания и чувства» [10, с. 50–51].

Национально-культурная самобытность рассматриваемого концепта проявляется также в том, что русскими счастье воспринимается как трудно достижимое или даже невозможное: *Счастье не купишь; Не в деньгах счастье; Счастье пытать – деньги терять; В чужое счастье не заедешь; Счастье в оглобли не впряжешь; Счастье не палка, в руки не возьмешь; Без счастья и в лес по грибы не ходи!; Наши счастье – решето дырявое; Счастье, что веешнее ведро; Наши счастье – дождь да ненастье; Счастье, что палка о двух концах; Счастье с несчастьем смешалось – ничего не осталось; Не то счастье, о чем во сне бредишь, а в том счастье, на чем сидишь и едешь; Кому счастье, кому ненастье; Счастью не верь, беды не пугайся; Счастье – что волк: обманет, в лес уйдет; Счастье с несчастьем двор обо двор живут; Не было бы счастья, да несчастье помогло; Горя бояться – счастья не видать; Кто нужды не ведал, тот и счастья не знает; Счастья искать – от него бежать; Легче счастье найти, чем удержать; Мое счастье разбежалось по сучкам, по веточкам и др. Широко известны и пушкинские афоризмы: *А счастье было так возможно, Так близко!; На свете счастья нет, но есть покой и воля; Привычка свыше нам дана, замена счастию она.* Представляется достаточно типичным и высказывание Л. Н. Толстого: *Счастье – это чувствовать себя полезным и не испытывать угрызения совести*, соотносимое с известной русской поговоркой: *Счастлив тот, у кого совесть спокойна.* В этом контексте примечательны строки А. А. Ахматовой: *И я всю ночь веду переговоры с неукротимой совестью моей*, в которых сама возможность счастья воспринимается как безнадежно исчезающая и становящаяся призрачной.*

Об укорененности подобного отношения к счастью свидетельствует роман П. Санаева «Похороните меня за плинтусом», написанный от лица мальчика-второклассника, жившего с бабушкой и наконец вернувшегося к матери: *То, что я когда-то жил с*

мамой, казалось мне невероятным. <...> Неужели счастье было когда-то жизнью? Я не помнил этого и не представлял, что такое возможно. <...> Я встал с кресла и прижался к маме, чтобы вознаградить себя за все потери счастьем, минуты которого не надо было теперь считать, и с ужасом почувствовал, что счастья нет тоже. Я убежал от жизни, но она осталась внутри меня и не давала счастья занять свое место. А прежнего места у счастья уже не было. <...> Я проснулся среди ночи, увидел, что лежу в темной комнате, и почувствовал, что меня гладят по голове. Гладил мама. <...> Неужели теперь я буду засыпать, зная, что мама рядом, и просыпаться, встречая ее рядом вновь? Неужели счастье становится жизнью? Нет, чего-то недостает. Жизнь по-прежнему внутри меня, а счастье не решается занять ее место. Я не думал, что я очень виноват, понимал, что мама не сердится и даже не понимает, о чем речь, но плакал и просил прощения, потому что только так можно было пустить на место жизни счастье. И оно вошло. Невидимые руки обняли маму раз и навсегда, и я понял, что жизнь у бабушки стала прошлым. Но вдруг теперь, когда счастье стало уже жизнью, все кончится? Вдруг я не поправлюсь?» [11, с. 232, 253, 268 и 269].

В этом контексте примечателен также тот факт, что в русской языковой среде, когда речь заходит о таких ценностно-смысловых доминантах, как счастье, предполагаемая содержательность высказывания вынуждает прибегать к неопределенности и опосредованности в его понимании. В качестве примера сошлемся на небольшой фрагмент из заключительной сцены пьесы Л. Зорина «Варшавская мелодия»: *Но вот вопрос – кто из них счастливее? Вера или Ася? – Сперва надо выяснить, что такое счастье. – Счастье то, что не выясняют. Его чувствуют кожей* [12, с. 438]. Приведенное высказывание главной героини еще раз подтверждает актуализированность в концепте «счастье» семы взаимности, включая те сугубо индивидуальные обертоны, которые она приобретает в речи говорящего. Это подчеркивает важность изучения языка, речи и дискурса не только как своеобразных макрообъектов национальной лингвокультуры, но и через призму личностного диалогического бытия.

Таким образом, изучение удаленных от нас пластов бытования слова позволяет выявить «память культуры», которая сформировала русскую языковую личность с присущим ей пониманием счастья, непременно разделенного с Другим. Что же касается взаимности как эмоционально-смысловой доминанты русской речевой культуры, то она предопределяет строй и тональность общения: *«Высказывание строится для другого. Мысль становится действительной мыслью в процессе ее сообщения другому, созна-*

ние становится практическим сознанием для другого. Обмениваемые мысли неотрывны друг от друга, взаимно отражают друг друга. Это взаимное отражение пронизывает и предметно-смысловую, и композиционную, и – в особенности – стилистическую сторону высказывания» [13, с. 279]. В целом следует отметить, что русская речевая культура выработала самобытную коммуникативную стратегию, направленную на достижение в межличностном общении взаимопонимания, взаимодействия и взаимоотношений, на основе которых сформировалась культура коллективистского типа.

В отличие от русского понимания счастья, его английский эквивалент «*happiness*» не содержит семы 'взаимность'. Судя по данным этимологических источников, лексема *happiness* является производной от среднеанглийского *happ*, восходящего к индоевропейскому **kobb*- 'выполнение магического действия, связанного с будущим' [14]. В современном английском узусе слова *happiness* и *happу* передают значение удовлетворенности жизнью в целом и употребляются по отношению к человеку, находящемуся в состоянии определенного эмоционального благополучия. В качестве примера, иллюстрирующего различие между русским концептом «счастье» и его английским эквивалентом «*happiness*», приведем следующие слова А. И. Солженицына: *Совсем не уровень благополучия делает счастье людей. А отношения сердец и наша точка зрения на нашу жизнь. И то и другое – всегда в нашей власти, а значит, человек всегда счастлив, если он хочет этого, и никто не может ему помешать* [15, с. 188]. (Ср.: с русскими пословицами: *Где правда, там и счастье; Счастье лучше богатства; Счастье не в кошельке, счастье в руках; Кто в горе руки опускает, тот счастья никогда не узнает; Счастье у каждого под мозолями лежит; Всяк своего счастья кузнец.*)

Если русское счастье не мыслится «в одиночку» и принадлежит скорее сфере идеальных представлений о смысле жизни, то для англичан *happiness* не обладает особой эмоционально-смысловой коннотацией и является вполне повседневным, обыденным. Не удивительно, что русская лексема счастье при переводе утрачивает свой понятийный объем и присущую ей тональность, становясь эквивалентом следующего синонимического ряда: *happiness* 'счастье' – *fortune* 'судьба' – *success* 'успех' – *luck* 'удача' – *bliss* 'блаженства'. Ср.: *Правда хорошо, а счастье лучше* и *Truth is good but happiness is better; I love truth, but I love happiness more; Человек рожден для счастья, как птица для полета* и *Man is born for happiness, like a bird for flight; Всяк своему счастью кузнец* и *Every man is the architect of his own fortunes; Не отведав горя, не познаешь и счастья* и *Misfortunes tell us what fortune is; Дураку везде счастье* и *Fools*

have fortunes; Кому счастье, у того и пеньки несется и *Nothing succeeds like success; Не было счастья, да несчастье помогло* и *If it weren't for bad luck have no luck at all; Счастье в неведении* и *Ignorance is bliss.*

Сравнительный анализ французских и русских паремий обнаружил такие варианты соответствий, как *bonheur* 'счастье' (от лат. *bonum augurium* – хорошая судьба) – *fortune* 'судьба' – *chance* 'благоприятный случай'. Ср.: *Не в деньгах счастье* и *L'argent ne fait pas le bonheur; Chacun est artisan de sa fortune / La fortune vient en dormant / Дурак спит, а счастье у него в головах стонут; La fortune couronne l'audace / Счастье венчает храбрость; La fortune sourit aux audacieux / Счастье улыбается смелым* и *Il n'y a chance qui ne rechange / Счастье с несчастьем близко живут*. Примечательно, что бытование лексем *счастье* – *счастливый* и *happiness* – *happy*; *bonheur* – *heureux* имеет существенное отличие. Если носители русского языка нередко суеверно избегают подобной самооценки при ответе на традиционное *Как дела?* (даже если она отражает реальное положение дел), то англо- и франкоговорящие более оптимистичны. Им присуща способность радоваться жизни, несмотря на переживаемое неблагополучие. В ответ на приветствие *How are you?* (англ.) / *Comment ça va?* (фр.) обычно следуют соответственно *Well (I'm very well; I'm fine; I'm great)* и *Ça va (Ça va bien; Ça va très bien; Parfaitement bien)*. Данные приветствия давно утратили свою вопросительную семантику и уже не предполагают обстоятельной ответной реакции. Что же касается аналогичной русской речевой ситуации, то она не исключает возможного повествования о перипетиях своей жизни. Таким образом, рассмотренный концепт отражают не только национально своеобразные ценностные представления, но и то, что понимается, чувствуется и переживается носителями русского языка. В нем проявляется своеобразный стиль мышления и самобытный способ существования национальной языковой личности, раскрывающийся в общении. Поэтому одним из условий достижения взаимопонимания в межкультурной коммуникации является осмысление тех ценностных оснований, на фундаменте которых развивались языковое сознание и самосознание носителей языка. (Подробнее об этом см. в [16].)

Предпринятое рассмотрение приводит к выводу о важности развития *межкультурной компетенции* на основе целостного (<язык – речь – дискурс>) представления об иноязычном «диалогическом бытии». Это делает актуальным формирование, наряду с языковой и речевой компетенциями, *компетенции дискурсивной*, которая развивает способность вести диалог в соответствии с национальными особенностями дискурса. Особое значение здесь приобретает знание общепринятого стиля и регистра общения,

невербальных средств коммуникации и допустимой степени воздействия на собеседника. Этому способствует «погружение» учащихся в актуальную для них дискурсивную практику и знакомство с характерными для нее особенностями.

Осмысление лингводидактикой проблем, связанных с «языковым существованием» (Б. М. Гаспаров) и с пониманием языка как «способа осуществиться во встрече с другим» (В. В. Библихин), привело к введению в педагогический дискурс понятия *экзистенциальной компетенции* (savoir-etre). Объединяя разнообразные факторы, характеризующие индивидуальность говорящего (т.е. взгляды, убеждения, ценностные представления и идеалы, личностные качества и др.), эта компетенция позволяет предупредить возникновение психологических и социокультурных барьеров. Ведь формы выражения к обсуждаемой проблеме и к самому собеседнику, принятые в одной культуре, могут восприниматься носителями другой культуры как проявление невоспитанности или даже оскорбление [17, с. 122]. По мнению английского журналиста Х. Смита, «западные люди находят насыщенность отношений, практикуемых русскими в своем доверительном кругу, и радующей, и утомительной. Когда русские до конца раскрывают душу, они ищут себе брата по духу, а не просто собеседника. Им нужен кто-то, кому они могли бы излить душу, с кем можно было бы разделить горе, кому можно было поведать о своих семейных трудностях <...>. Как журналист, я нахожу это несколько щекотливым, поскольку русские требуют от друга полной преданности» (цит. по: [18, с. 341]). В этом отношении показательна и оценка русского межличностного общения, данная Н. А. Бердяевым: «Русские очень легко задевают личность другого человека, говорят вещи обидные, бывают неделикатны, имеют мало уважения к тайне всякой личности. Русские самолюбивы, задевают самолюбие другого и сами бывают задеты. При обсуждении идей легко переходят на личную почву и говорят не столько о ваших идеях, сколько о вас и ваших недостатках» [19, с. 265]. Созная «инаковость» носителей русского языка, проявляющуюся в межкультурном общении, писатель Б. Васильев замечает: «Русские едва ли не самый эмоциональный народ в мире: сначала поступаем по порыву, а потом смотрим, что наделали. Это нам свойственно. Но духовность наша тоже от повышенного уровня эмоциональности. У нас нет немецкой рассудительности, американской деловитости, нет “умения англичан держать дистанцию”, мы такие»¹.

Таким образом, рассмотрение диалога культур через призму науки о языке с необходимостью предполагает анализ данного комплекса проблем со сто-

роны лингводидактики и методики преподавания иностранных языков. Прежде всего, это касается направленности высшего образования на формирование билингвальной (а в перспективе – полилингвальной) языковой личности. Открывающаяся при этом перспектива осмысления возможностей родного и иностранного языков позволит выйти за пределы одномерного языкового пространства: новые горизонты миропонимания и познания сообщат мышлению ту глубину, которая доступна только при владении неродным языком на уровне родного. Более того, способность человека взглянуть на мир или ситуацию через призму еще одного языка существенно повышает уровень коммуникабельности, а значит, и уровень культуры, в значительной мере определяемой способностью к взаимопониманию и сопереживанию. С этой точки зрения монолингв вряд ли может рассматриваться в качестве полноценной национальной языковой личности. Ведь самобытные особенности родного языка осознаются лишь при вхождении в иное лингвокультурное пространство.

Возвращаясь к проблеме поиска пути, который превратил бы общение коммуникантов-инофонов в подлинный диалог культур, приведем положение С. С. Аверинцева, в котором сформулирована ценностная ориентация становления и развития диалогических отношений: «Одна из главных задач человека – понять другого человека, не превращая его ни в поддающуюся ‘исчислению’ вещь, ни в отражение собственных эмоций. Эта задача стоит перед каждым отдельным человеком, но также перед каждой эпохой, перед всем человечеством. Филология есть служба понимания и помогает выполнению этой задачи» [20, с. 8].

ЛИТЕРАТУРА

1. Разин А. В. Этика : история и теория / А. В. Разин. – М. : Академ. проект, 2002. – 496 с.
2. Библиер В. С. Диалог культур / В. С. Библиер, А. В. Ахутин // Новая философская энциклопедия : в 4 т. – М. : Мысль, 2000–2001. – Т. 1. – С. 659–661.
3. Бахтин М. М. Проблема текста / М. М. Бахтин // Собр. соч. : в 7 т. – М. : Рус. словари, 1997. – Т. 5 : Работы 1940-х – начала 1960-х гг. – С. 305–326.
4. Ильин И. П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм / И. П. Ильин. – М. : Интрада, 1996. – 256 с.
5. Ожегов С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – М. : Русский язык, 1984. – 787 с.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1980. – Т. 4. – 683 с.
7. Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. – М. ; Л. : Наука, 1963. – Т. 14.

¹ Известия. 1995. 21 мая.

8. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / М. Фасмер. – СПб. : Терра-Азбука, 1996. – Т. 3. – 827 с.
8. Толстая С. М. Глаголы судьбы и их корреляты в языке культуры / С. М. Толстая // Понятие судьбы в контексте разных культур. – М. : Наука, 1994. – С. 143–148.
10. Бахтин М. М. Автор и герой. К философским основам гуманитарных наук / М. М. Бахтин. – М. : Азбука, 2000. – 336 с.
11. Санаев П. Похороните меня за плинтусом / П. Санаев. – М. : АСТ : Астрель ; Владимир : ВКТ, 2008. – 286 с.
12. Зорин Л. Г. Варшавская мелодия / Л. Г. Зорин // Одиннадцать пьес. – М. : Искусство, 1974. – С. 404–445.
13. Бахтин М. М. Из архивных записей к работе «Проблемы речевых жанров» / М. М. Бахтин // Собр. соч. : в 7 т. – М. : Русские словари, 1997. – Т. 5 : Работы 1940-х – начала 1960-х гг. – С. 240–286.
14. Воркачев С. Г. Концепт счастья в английском языке : значимостная составляющая / С. Г. Воркачев, Е. А. Воркачева // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков. – СПб. : Азбуковник, 2002. – С. 145–148.
15. Солженицын А. И. Раковый корпус / А. И. Солженицын. – М. : Новый мир, 2001. – С. 5–363.
16. Владимирова Т. Е. Призванные в общение : русский дискурс в межкультурной коммуникации / Т. Е. Владимирова. – М. : ЛИБРОКОМ, 2010. – 304 с.
17. Общевропейские компетенции владения иностранным языком : изучение, преподавание, оценка / Департамент современных языков Директората по образованию, культуре и спорту Совета Европы ; пер. выполнен на кафедре стилистики англ. яз. МГЛУ под общ. ред. проф. К. М. Ирисхановой. – М. : Изд-во МГЛУ, 2003.
18. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / А. Вежбицкая. – М. : Языки рус. культуры, 1999. – 780 с.
19. Бердяев Н. А. Самопознание / Н. А. Бердяев. – М. : Междунар. отношения, 1990. – 336 с.
20. Аверинцев С. С. Попытки объясниться : беседы о культуре / С. С. Аверинцев. – М. : Правда, 1988. – 47 с.

Московский государственный университет

*Владимирова Т. Е., доктор филологических наук,
профессор центра Международного образования
E-mail: yusvlad@rambler.ru*

Moscow State University

*Vladimirova T. E., Doctor of Philology, Professor of the
Center of International Education
E-mail: yusvlad@rambler.ru*